

ПЕРВАЯ КНИЖКА

ЛЕОНИД БЕЛЯЕВ

ТОПОЛЯ
РОНЯЮТ ПУХ

**ЛЕОНИД
БЕЛЯЕВ**

**ТОПОЛЯ
РОНЯЮТ ПУХ**

 **СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО • 1966**

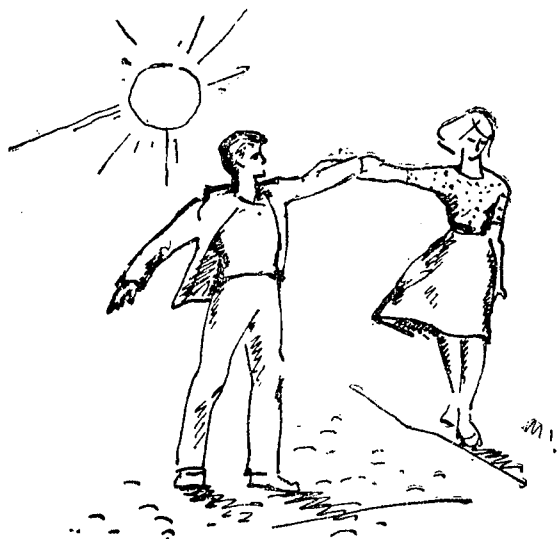

Леонид БЕЛЯЕВ родился в 1939 году в древнем городе Белозерске на Вологодчине. Там же после окончания семилетки учился в педагогическом училище.

В 1963 году окончил Вологодский педагогический институт и два года прослужил в армии, на Севере.

Стихи Л. Беляева печатались в областных газетах и коллективных сборниках. Тем, что стал смотреть на стихи как на серьезный и ответственный труд, он во многом обязан вологодским поэтам В. Коротаеву, А. Романову и др.

«Тополя роняют пух» — первая книга молодого поэта. В нее вошли стихи о молодежи, о родной северной природе и тружениках колхозной деревни.

МОИ
РОВЕСНИКИ

МОИ РОВЕСНИКИ

Отцы умели делать дело
В свои года. От этих дел
В ушах эпохи загудело
И старый мир помолодел.

Они громили вражьи орды,
Пахать умели и тачать...
А нам разгадывать кроссворды?
У телевизоров торчать?

Мы время проводить горазды
Не в танцевальной духоте.
Мои ровесники лобасты —
У нас потребности не те.

Хотим дойти до самой сути
Людского счастья и беды
И в океане сорок суток
Прожить умеем без еды.

Хватает дел вот так, по горло,
Размашистых — на страх врагу.

Мы смотрим в будущее гордо,
Куем железо и строку.

Мы в жизнь весомо и упруго
Рядами крепкими идем.
И если нам придется туго,
То мы отцов не подведем.

В ВОСКРЕСЕНЬЕ

Вот, наконец, настало воскресенье —
Единственный, свободный от занятий
Больших и малых, день для нас — студентов.
Пусть кое-кто нарядные рубахи,
Что куплены на папенькины деньги,
Наденет и идет с блаженным видом
Обсиживать бульварные скамейки.
А мы — двенадцать со второго курса —
Встаем сегодня раньше, чем обычно,
И вот уже рабочие ботинки
Спешат туда, где свищут паровозы.
Туда идут не те, что ловко могут
Лишь карандаш держать в руках

да вилку,

А смуглые и крепкие ребята,
Что издавна ворочать научились
Мешки побольше собственного веса.
И вот уже мы бегаем по трапу,
И пыль во рту, и тяжелеют ноги,
И пот стекает темными струями
По загоревшим и усталым лицам.

Но все подходят полные машины
И налегке обратно убегают.
Мы грузим вологодскую картошку.
Она пойдет в далекий Севастополь.
И вот вагон, до окон загруженный,
Весовщиком в дорогу запечатан.
А из ребят давно приметил каждый
Неподалеку надпись «Пиво-воды».
Решенье есть — ополовинить бочку!
Зазвякали наполненные кружки.
Как хорошо одну из них, поднявши,
Сполна отдать губам разгоряченным
И, до конца допив неторопливо,
Плеснуть на землю пенные остатки.

НА УЛИЦЕ

Я спокойно работал,
Я орудовал ломом,
Чтобы трубам до дома
Под асфальтом пройти.
Двое, пестрые кто-то,
Рядом шли у колонки.
Вдруг осколок гудрона
Их задел по пути.

Я лицо это видел:
Искаженное злобой,
Прошипело: «Мазилка!
Вас учить, подлецов!»
А она промолчала.
Забилось под робой
Сердце, будто опилки
Мне швырнули в лицо.

В сотне тысяч — лишь сто их.
Мне знакомы пижоны.
Им укор не поможет.

Не слова им нужны!
Обижаться не стоит
Ни на них, ни на жен их —
У подобных не может
Быть хорошей жены.

И назойлив назло им,
Я отламывал ломом
Без рисовки, без фальши
От асфальта куски
Так, чтоб эти обломки
Обходили подальше
Те, у коих душонки,
Как их брючки, узки.

НА ПРАКТИКУ

Виктору Коротаеву

Мы летим, идем и едем.
Направленья нам даны
В край, где водятся медведи
И живые колдуны.
Наконец-то в кои сроки
Подъезжаем. Наш приезд
Белобокие сороки
Рекламируют окрест.
Облепили окна жители:
Кто такие и отколь?
— Ой, один-то, бабы, жиденский.
А второй зато — король!
— В шляпах. Стало быть, учителя, —
Слышим голос из окна, —
На фатеру залучить бы их —
Веселей. А то одна.
Все-то парни поразъехались,
Косу некому отбить,
Косу некому отбить,
Бабам некого любить.

II

Для иных теперь деревня —
Слово, прочим не чета.
Произносят с удареньем,
Хоть не знают о деревне,
Прямо скажем, ни черта.
Я и сам недавно думал
О деревне, что она —
Край березового шума,
Хороводов дотемна
И отличнейшее место
Проведенья отпусков.
А какой там, братцы, лес-то! —
Ахнет житель городской.
Километров этак на сто
Грузди, рыжики вокруг...
А деревня — это заступ,
Заступ, требующий рук.
Огород копать нельзя им:
Срок пришел — слезай с печи,
Подними его, хозяин,
Сделай черень, наточи!

* * *

Есть уголки еще в России —
Не Подмосковья благодать:
Едва дожди заморосили,
Не знаешь, как и попадать.

Мы в небеса глядим напрасно,
Поскольку скис аэродром.
Теперь один надежный транспорт —
Телега. Ну еще паром.

Зато вдали от всех соблазнов,
Какие город нам берег,
Мы все леса кругом облазим,
Наверно, вдоль и поперек.

Вернешься вечером усталый —
От полу ног не отодрать.
Хозяйка самовар поставит,
Мы — на печь пятки прогревать.

Потом на чай с медком да с булками
Так принавалимся втроем,

Что очень скоро не забулькает
Работы тульской водоем.

А там уж на тулуп бараний
Нас опрокидывает сон...
Но завтра снова утром ранним
Мы ружья по лесу несем.

ОСЕННЕЕ

Народ спешит, тепло одетый.
Наверно, спать. Но я зато,
Поклонник осени отпетый,
Один гуляю без пальто.

А мне навстречу дождь и ветер,
И грязь... Кругла луна и та —
Не выехать — лежит в кювете,
Осенним ливнем залита.

Плывет асфальт, скользят подошвы,
И мимо зонтики плывут;
Меня, быть может, спросят: «Что ж вы?»
И бедным, может, назовут.

Но ошибутся: я не беден.
Мне жаль сейчас, наоборот,
Того, кто в собственной «Победе»
Выруливает из ворот.

СЕВЕР

И я причастен к слову север.
Не просто север — крайний он.
Идет домой рыбачий сейнер
Сквозь дождь и волны, скрип и стон.

Гуляют ветры Заполярья —
Крепись, отец! Держись, сынок!
Нас эти ветры закаляют,
Но никогда не валят с ног.

ВСТРЕЧА

У всех бывает в голове брожение,
Когда стоишь впервые на посту.
Вот опустилась кисть воображенья
На что-то, прошумевшее в кусту.

Он появился рядом как-то сразу,
Предмет моих воинственных забот.
Откуда взялся здесь зеленоглазый,
Предельно рыжий странствующий кот?

Ну что ему военные объекты,
Решительный и грозный часовой —
Его влекли солдатские обеды,
Чудесный запах кухни полевой.

И, свято чтя уставы и присягу,
Не отвлекаясь в целом от поста,
Я все-таки на корточки присяду,
Чтобы погладить блудного кота.

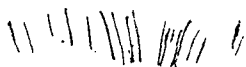
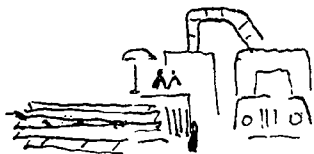
* * *

Нелепо и несправедливо:
Какой-то ворон триста лет
Все машет крыльями, а ты вот
Сегодня был, а завтра нет.

Он, ворон, видел в колыбели
Еще прадеда моего.
А для чего же, в самом деле,
Три века птице? Для чего?

Не зная речи человеческой,
Не радуясь и не скорбя,
Живет такой вот ворон вещий,
Быть может, обокрав тебя.

Три века — явно многовато,
Чтоб так бездарно умереть...
Ты подарил бы мне, крылатый,
Своих годков хотя бы треть.

ДОМА

ЗЕМЛЯКАМ-БЕЛОЗЕРАМ

I

— Поедем в Сочи!

— Не хочу!

Мне покрупнее счастье выпало:
Домой на летние каникулы
Я на автобусе качу.
Смотрю в окно: родной лесок —
Сосна и ель — почти до города.
Вершинки их наискосок
Как будто режет нитка провода.
А городок? Все тот же вал,
И те же улицы, и озеро,
Которым детство отдавал
Мальчишка, весь в мечтаньях розовых.
Ну а сегодня душу мне
Теснят воспоминанья разные...
Стоят герани на окне,
Как петушиный гребень, красною,
Березка вон на берегу
Под бурей выжила, отважная...

Заметить это я могу.
Но и другое нынче важно мне.
Здесь тоже жизнь идет вперед,
О чем мечталось, все сбывается.
Привыкший к ватникам народ
Уже иначе одевается.
Все гуще зрители в кино,
С парнями реже слышны случаи.
Да и тому виной вино.
Когда ж девчонки пить отучат их?..
Все меньше сплетен, меньше ссор.
По городку теперь пройдите-ка:
Частенько слышен разговор
О новой жизни, о политике.
Вот потому я неспроста
Смотрю вокруг глазами жадными.
Расти, мой город, обрастай
Домами и делами ладными.

II

Увидя деревенских жителей,
Я им, как родственникам, рад.
Где ситчик продают, скажите им,
А где пшено и «рифинад»?
И в магазин идут потом они:
Ведь городское-то в чести.
Я помогу мешок с батонами
Им до подводы донести.

У них в годы непарадные
Была Россия на плечах.
Так пусть гостинцы эти радуют
Их многочисленных внучат.

ДОМА

Приоткрыл глаза. Неужто дома?
Мать несет муку из кладовой.
Пахнет удивительно знакомо —
Веники висят над головой.

Выбегу туда, где буйный клевер,
Золотистый клевер копит мед.
И меня травы широкий веер
Холодком зеленым опухнет...

Хорошо под вечер выйти в поле,
Где в суслонах цепенеет рожь,
Где жнивье подошвы бабам колет,
Где закат на зарево похож.

Хорошо, граблями на покосах
Молодое сено вороша,
Знать, что на тебя глядит не косо
Добрая крестьянская душа.

В ГРУЗОТАКСИ

В моем стихе романтики не много.
В нем не Тайшет, к примеру, не Турксиб.
А просто районная дорога
И пассажиры в грузовом такси.
Зато дорожка...
Ну уж и дорога!
Увязнуть мог, пожалуй бы, и вол.
Надеемся на оси, как на бога
Надеется не каждый богомол.
Сосед мой сел на собственную шляпу —
А все старался брюки не помять —
И почему-то сразу вспомнил папу,
И бабушку, и дедушку, и мать.
Летает капитан второго ранга,
Сиденье, словно море, бороздя.
Уж на колене кровоточит ранка,
И брюки стали жертвою гвоздя.
Вот, прихотям инерции не рада,
Старушка угодила в чей-то трот.
А, говорят, везли из Ленинграда
На именины тете. Первый сорт.

В случившемся, конечно, не виновна,
Она стыдливо кутается в шаль.
Сочувствую старушке безусловно.
И капитанских брюк немного жаль.
Зато с ухмылкой я смотрю на пассажира
В бостоновом шикарном пиджаке...
Пусть соответственно трясутся складки жира
На каждой ямке и на бугорке.

БАБКА И ВНУЧКА

Руки чуют непогоду,
Ноют руки, ломит их.
Девяносто лет без году —
Потрудилась за троих.
Вспоминает: лен трепала,
Так трепала — пальцы в кровь.
Ко чужанину попала,
Ела поедом свекровь.
И сейчас еще без дела
Не сидится бабке, нет.
Все прядет-доит куделю
Да морщинится на свет.
Будет правнучке подарок,
Как нагрянут к ней сваты...
Свет колхозный, сколь ни ярк,
Не осветишь бабку ты,
Не осветишь, не научишь
Глянуть старую в окно.
Там правнучке греет ручки
Ухажер ее давно.
А она, прильнув к ушку,

Шепчет милому дружку:
«Ну куда с таким приданым? —
Чувства времени в ней нет.
Вся она — клубок преданий,
Наговоров и примет.
Обойдемся без сватов,
Стол для свадьбы готовь...»
Что тут скажешь? — Ай да внучка!
Ай да внучка — ну и штучка!

* * *

Развозили мы лен на стлище.
Я запомнил картину ту.
И жара была, и пылица
До похрустыванья во рту.
Как по снегу, скользили сани.
И на тракторные следы
С верхотуры снопы бросали
Активисты льняной страды.
И хоть варежки у Аленки —
Две заплатки да три дыры,
Поднимала она тот лен,
Как подносимые ей дары.
У Аленки льняные косы,
У Аленки глаза голубы...
Были мы усталы и босы,
Но приглаживали чубы.

СЫН ПРИЕХАЛ

Сын приехал у Анюты!
Свату — сват, куме — кума.
Эта новость в три минуты
Обежала все дома.
Не забыты и детали:
В чем одет да что привез.
Те детали обрастали.
Словом, к ночи наболтали—
Все собрать — так с добрый воз.
У Анюты нынче праздник.
Жаль — без девок и парней.
Сын и был-то только разик
После армии у ней...
В предвкушении веселья,
Зиму с валенок согнав,
Гости вваливают в сени,
Тянут первую до дна.
Наполняя кружки пивом,
Сам виновник новостей
Расхмельным речитативом
Щедро потчует гостей.

Раскрасневшись со спиртного,
Уж, поди, в десятый раз
Он рассказывает снова
Жизнь свою не без прикрас.
«Эх, Воркута — красота.
Воркута — шахтерский город.
Это жило, брат, по нам:
Уголь сыплется за ворот,
Деньги валяются в карман...»
Окна — эстолько народу —
Отпотели от дышков.
Мать вычерпывает воду
Чайной ложкой из лотков.
Мать! Единственная в мире.
Сын зовет. А на тебе —
Не желает жить в квартире,
Век промаявшись в избе.
Да и сын — она-то чует —
Весь он сельский, здешний весь.
Там и днюет и ночует,
Ну а сердцем — только здесь.
Он проснулся утром, вышел
На морозец на крыльцо.
Полной грудью парень дышит,
Взял калитку за кольцо.
Тронул старые ворота —
Сгнил дубовый добрый тес.
На цепи сидит за что-то
Репрессированный пес.

Он рукой его погладит,
Смотрит дальше, что и как.
Там подвяжет, тут приладит.
Захирев без мужика,
Дом окреп за две недели.
Даже крыша кое-где
Доски новые надела —
По весне не течь воде.
Отпуск весел, да недолог.
Был и не был дома сын.
Сыплет ветер, зол и колок,
Снегом жестким и косым.
— Уезжаешь? —

— Еду, значит,
Может быть, на много зим.
Пес помилованный скачет.
Мать слезу от сына прячет
В шаль, подаренную им.

ПИСЬМО ГОРОДСКОМУ ДРУГУ

Хорошо у нас, дружок, ей-богу.
Приезжай-ка, навести друзей,
Свежей медвежатины попробуй,
Пива деревенского попей.
Кинь под лавку модные штиблеты,
Валенки галошами укрась.
За свои кредитные билеты
Ты не бойся: некому украсть.
Этот край ворами не напуган,
Не в ходу понятие «запор».
Что хранить? Избушка — кинешь

в угол —

Вылетит на улицу топор.
На полу некрашеном кадушка.
Зачерпни — и хлеба отрезай.
Пол — твоя большая раскладушка,
А застынешь — на печь полезай.
В круглых дырах печка у старушки
(Что-то сушит). Кажется, вот-вот
Ласточки из них береговушки
Вырвутся в подоблачный полет.

Вот в такой избушке поживи ты,
Почитай газет на потолке
Позапрошлогодных — вот и квиты
С городом. Как в красном уголке...
А какая, братец, земляника:
Ягод пять — и будешь с полным ртом.
Или к нам на речку загляни-ка,
Так тебя не выживешь потом.
...Но ему, как видно, не по вкусу
Это все. Не шлет ответ. Молчит.
Друг мой, не поддавшийся искусу,
В городе по-прежнему торчит.
О деревне говоря со вкусом,
Он идет с подругой на балет,
Проходящих ослепляя лаком
Остроносых, новеньких штиблет.

СЕЛЬСКАЯ МОЗАИКА

Живу в деревне. Понемножку
Рублю дрова, стихи пишу
И дням-цыплятам на кормежку
Буханку времени крошу.
В тени соседский поросенок
Прилег на собственный бочок
И что-то хрюкает спросонок,
Бормочет что-то в пятачок.
Здоров! Известной, знать, породы.
Я вспомнил, глядя на него,
Что видел этот подбородок.
Но где, когда и у кого?
Петух, утратив чувство меры,
Поет с росы и до росы.
Он вышел у людей из веры.
И даже бабки (вот холеры!)
Теперь освоили часы.
А вон идут Олена с Настей,
Поют. Видать, навеселе.
О песня! Ты не так уж часто
Поешься в северном селе.

И я на праздник урожая
Сегодня тоже приглашен.
Обычай сельский уважая,
Там пьют, наверно, не крюшон.
Готов смотреть я до утра бы,
Как по-мужски едят и пьют,
Потом по-бабьи плачут бабы,
А после пляшут и поют.
Деревня, добрая деревня,
Я полон мыслей о тебе,
Участья полон и доверья
К твоей испытанной судьбе.

ДОБРЫЙ
СНЕГ

ДОБРЫЙ СНЕГ

Не учитывая чина,
Раздает он всем меха.
Эта муфту получила,
У того, глядишь, доха.

Даже бабку-елку в шутку
Нарядил в соболью шубку.

Даже голые столбы
Шапки заячьи надели,
Прикрывая от метели
Обмороженные лбы.

В ЛЕСУ

Знаю: зимний день короток.
Потому — лишь рассвело —
Отворяю я ворота,
Выезжаю за село.
Будто пролили чернила —
Лес и густ и черносинь.
Это сумрак породнил их,
Краски сосен и осин.
Но фотограф-день умело
Проявляет снимки те,
На которых первым делом
Он березки, будто мелом,
Отмечает в темноте.
Все отчетливее снимки.
Воздух ясен и высок.
На деревьях снег, как сливки,
Хоть обмакивай кусок.
Лес гудит, морозом скован.
Только что мне этот гул.
Я бы месяц, как подкову,
Для любимой разогнул

Прямо голыми руками.
Для начала ель качну,
Перекликнусь с мужиками,
Скину ватник и начну
По ствслам застывшим бухать,
Чтобы снежные пуды,
Начиная с веток ухать,
Разлетались белым пухом,
Блеском солнца и слюды...

В ДОРОГЕ

Мужики назяблись. Каково им,
Голоруким, в экую метель?
Поломался трактор, но обоим
Не впервой такая канитель.

Старший — не цитирую дословно —
Проклиная бога и мороз,
Лег под трактор на фуфайку, словно
К наледи лопатками прирос.

А помощник, ухая в сугробах,
Жаждет раздобыться сушняком.
Треск по лесу. Значит, скоро оба
Руки обогреют огоньком.

ЗА БРУСНИКОЙ

Уже почти наполовину
Лесной альбом перелистав,
Я, наконец, нашел картину:
Борок. Брусничные места.

Сентябрь — художник в упоенье
Писал ее. И в мох густой
Я опускаюсь на колени
Перед пурпурной красотой.

И кисти сочные в ладони
Беру, дыхание затая...
Сейчас в корзину, как в подойник,
Ударит первая струя.

ВЕЧЕРОМ ЗИМНИМ

Полыхает вечер синий
В светлых стеклах-зеркалаx.
На платках, на шапках иней,
Льдинки-искры на бровях.
Молодой, заледенелый
Снег скрипит под каблуком.
Моет ветер белый-белый
Город снежным молоком.
Веток, от мороза русых,
Над домами целый лес.
Ярко стынут звезды-бусы
В синем омуте небес.
Кто-то бросил сосен выше
Желтобокую луну,
А застывший дым над крышей
К ночи, кажется, уснул.
Тут ты хочешь иль не хочешь —
Засмеешься молодо.
Хорошо бродить до ночи,
Любоваться Вологдой!

ВЕСЕННЕЕ УТРО

Небо чисто — будто ветер наутюжил.
Расплескалось солнце по асфальту лужей.
Воробьи на рынке затевают драки:
Видно, зерна ищут в вытаявшем шлаке.
Скоро на деревьях застреляют почки —
Вырвутся на волю тонкие листочки.
Ветерок зеленый побежит по парку.
А пока что голо и не очень жарко.
Любо на асфальте — под нсгами крепко.
Не скользишь, не ловишь клетчатую кепку.
Хорошо на солнце молодым и старым.
Разгорелся город золотым пожаром.

БЕЛЫЕ НОЧИ

Ночь уже, а ночи нет —
В голове не вяжется.
На столбах зачем-то свет.
Он мне лишним кажется.
На крыльце соседнем шатком
Слышу скрип и легкий стук.
«Хоть вяжи», — сказала бабка.
«Хоть читай», — добавил внук.
Ну и ночь. В такую ночь
Даже спать не хочется.
Я туда пойти не прочь,
Где волна щекочется.
Две козы на берегу
Бодрствуют-бодаются.
Ну а волны на бегу
Шапками кидаются.
Шапки сахара белей.
Кто их только выдумал?
Будто село лебедей
Видимо-невидимо.

* * *

Я в детстве не мечтал о многом.
Хотелось страстно мне тогда
На жеребенке быстроногом
Умчаться в зрелые года.

Года пришли. Но умолчишь ли:
Хочу до слез — грешно скрывать —
В том мире, где живут мальчишки,
Хотя б недельку побывать.

СТРАНИЧКА ДЕТСТВА

Бывало так: на спящий город
Гроза ночная упадет —
И небосвод, огнями вспорот,
Вдруг в темных окнах оживет.
Я помню, бабушка вставала,
Крестила трижды сеновал
И чем-то белым накрывала,
Меня пугая, самовар.
Отца вопросами я мучил,
За ним таскаясь по пятам:
Кто их полощет, тряпки-тучи,
Кто их выкручивает там?
Его ответам я не верил.
И весь в неверии таком,
Бесшумно отворяя двери,
Я пробирался на балкон.
И в мир туманных многоточий
Колумбом маленьким войдя,
Я открывал тетрадку ночи
В косую линию дождя.

НА КАНИКУЛАХ

Хорошенькая, юная девчонка.
Какие у нее глаза и брови!
А губы чуть припухли — очень кстати —
И чуточку совсем подведены.
Мы танцевали с нею целый вечер
И вместе выходили охлаждаться,
Садясь к окну открытому под пальмы
На мягкий и вместительный диван.
Она мне щедро годы убавляла,
А я ей в шутку дал «примерно тридцать»,
И мы лукаво-весело смеялись,
Друг друга имя силясь угадать...
Но в этот миг во мне какой-то голос
Вдруг прозвучал тревожно и неожиданно:
«Ведь у тебя другая есть, ты вспомни,
Любимая и верная подруга!
Представь, когда с каникул ты вернешься,
Как ей посмотришь в чистые глаза?»
И я через минуту в раздевалке
Протягиваю тетке номерок.

Уже и ночь. А мне никак не спится:
Сон заблудился, видимо, в пути.
...Ведь и она сейчас, наверно, тоже,
Приняв свою излюбленную позу
И по подушке волосы рассыпав,
Старается не думать и уснуть.
Но у нее свои воспоминанья,
Свои мечты на будущее есть.
Я будто слышу возмущенный шепот:
«Он убежал куда-то. Ах, негодный!
Как раз, когда я про него шепнула
Своим подружкам, время улучив.
Ведь завтра же насмешками своими
Они меня заставят покраснеть».
Мы встретимся с тобой еще, наверно:
Не так велик наш милый городок.
Но ты, конечно, ничего не спросишь,
А сам я ничего не объясню.

МОЛОДОЙ ОХОТНИК

Вот в отцовском пиджачишке
Вышел парень на опушку,
Страшно хочется парнишке
Что-нибудь поймать на мушку.

Тут и сунется сорока.
Грянет выстрел, сух и краток —
И вспугнет он раньше срока
Стайку белых куропаток.

НОЧЬ НА РЕКЕ

Мне так приятно с незнакомкой,
Нагнувшись к влажному борту,
Стоять,
Во рту ириски комкать
И улыбаться в темноту.
Она поправила платочек
Неповторимым взмахом рук,
И красота щекснинской ночи
Передо мной раскрылась вдруг.
Шексна полночная прекрасна...
И мне б стоять, как берега,
Гореть, как бакен, светом красным,
Волной на берег набегать.
Вдруг капитанский голос: «Зимин!
Куда ты смотришь? Тихий ход!» —
И шлюз, широко пасть разинув,
Проглатывает пароход.
...Сошла по трапу незнакомка.
Вода вскипела от винтов.
А я стоял, схватив котомку,
На берег выбежать готов.

Припоминаю: туча тучей
Я оставался до утра...
Как поросята к матке, кучей
Уткнулись в берег катера.
Мечта моя в одной из лодок
Несла меня туда, назад,
Где влажный борт, горячий локоть
И вдаль ушедшая гроза.

СПИННИНГИСТ

Кручу вовсю. Скрипит катушка,
И рыбка скачет по волне.
Ну что девчонка-хохотушка
Нашла веселого во мне?
Я ль виноват, что тут безрыбье —
Ни голавлей, ни окуней,
Да и блесна — вот чешуи б ей
Да плавники б еще у ней...
Девчонка мне хохочет в спину,
Ее, видать, смешит мой вид.
Что если счастье мне на спиннинг
Пудовой щукой подвалит?
О, я схвачу ее за жабры
И, торжество в глазах тая,
На берег кину вдруг.
Ушла бы
В слезах насмешница моя.

НА ДЕМОНСТРАЦИИ

Дед мой видит неважно
С давних пор потому,
Что пришлось не однажды
Быть в огне и дыму.
Две войны за плечами.
Сединой умудрен.
Внуки б не подкачали, —
Беспокоится он.
Я ему уточняю.
Транспарантов слова,
Я ему сочиняю,
Что болит голова,
И смеюсь, убегая.
Дед мой чует душой,
Что причина другая...
«Слава богу, большой
Вырос внучек, и сам уж
Что к чему разберет.
Только девку вот замуж
Пусть баскую берет...»
Может, думку такую

И не высказал он.
Я смеюсь, я ликую.
Я — участник колонн!
Розу мне прикололи.
Чей-то шарик несущ...
А ведь было — давно ли? —
В деревеньке, в лесу
Просто школьник-проказник,
Просто пахаря сын,
Я встречал этот праздник
Озорным и босым.
К пиджакам прикрепляли
И мои землячки —
Кто постарше — медали,
Помоложе — значки.
Выходили на площадь,
А точнее — на луг.
Ну, одеты поплоше,
Ну, потолще каблук
Да обветренной лица
У моих землячков...
Ах, как времечко мчится,
Звонок цокот подков.

СПОР

Мы при встрече со старушкой
Спорим жарко всякий раз
О богатстве, потому что
Взгляды разные у нас.

Пусто, мол, в моей квартире,
Беден я, и бледен я...
Ты увязла в старом мире.
В том твоя трагедия.

Посмотри: пластинок сколько,
Книг гора... В ответ — смешки.
Ну, гляди тогда: под койкой
У меня лежат мешки.

Вот один. Лежит он, зыбкий,
Мягкой пухлостью маня.
Завязал я в нем улыбки,
Согревавшие меня.

Вот еще. Возьми безмен ты,
Чтоб увериться вполне,

Здесь лежат аплодисменты,
Предназначенные мне.

В третьем — все рукопожатья...

Ну, богат я или нет?

— Нет!

Ну как тут возражать ей?

Разность взглядов, разность лет...

* * *

Хоть следы едва остыли,
Не вернешь уже назад их.
И ребята холостые
Превращаются в женатых.

Любо видеть, как впервые
Из ладоней милых жинок
На веревки бельевые
Сядут ласточки зажимов,

На веревки у крылечек...
Только что-то не взлетают,
Почему-то не щебечут,
В синем небушке не тают.

* * *

Тополя роняют пух.
Белоснежных, невесомых
Ветерок гоняет сонный.
Крупных мух.
Тополя роняют пух.
Он лежит, скопляясь в лужах
Белой вязью легких кружев,
Мягко, сух
Тополиный белый пух.
Шла девчонка от вокзала,
Улыбнувшись, вдруг сказала
Ясно, вслух:
— Тополя роняют пух.

СОДЕРЖАНИЕ

Мои ровесники

Мои ровесники	7
В воскресенье	9
На улице	11
На практику	13
«Есть уголки еще в России...»	15
Осеннее	17
Север	18
Встреча	19
«Нелепо и несправедливо...»	20

Дома

Землякам-белозерам	23
Дома	26
В грузотакси	27
Бабка и внучка	29
«Развозили мы лен на стлище...»	31
Сын приехал	32
Письмо городскому другу	35
Сельская мозаика	37

Добрый снег

Добрый снег	41
В лесу	42

В дороге	44
За брусникой	45
Вечером зимним	46
Весеннее утро	47
Белые ночи	48
«Я в детстве не мечтал о многом...»	49
Страничка детства	50
На каникулах	51
Молодой охотник	53
Ночь на реке	54
Спиннингист	56
На демонстрации	57
Спор	59
«Хоть следы едва остыли...»	61
«Тополя роняют пух...»	62

Беляев Леонид Александрович
ТОПОЛЯ РОНЯЮТ ПУХ

Редактор А. И. Левушкин
Художник И. Я. Латинский

ГЕ00130. Подписано к печати 9.11.1966 г. Бумага
60 × 84¹/₃₂. Бум. л. 1. Печ. л. 2. Уч.-изд. л. 1,3.
Тираж 5000. Цена 10 коп. Заказ 113.

Областная типография,
Вологда, ул. Калинина, 3.

10 коп.

